

УДК 811.161.1

Л. Е. Мозжерина,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. О. Ю. Николенко

Постоянство эпитетов в произведениях устного народного творчества

Аннотация. В статье на примерах былин рассматривается понятие «постоянство эпитетов». Приводятся точки зрения ученых о том, что послужило причинами возникновения этого явления. Делается вывод о культурно-этнографической обусловленности выбора постоянных эпитетов.

Ключевые слова: былина, постоянство эпитетов, традиция, стилистическая особенность, эпос.

В научных трудах произведения устного народного творчества изучаются с разных точек зрения. Рассматривались и рассматриваются до сих пор сюжетно-композиционные особенности, лексическое своеобразие, языковая специфика и др. Мы обратим внимание на достаточно узкую, но с точки зрения понимания стилистических особенностей и языка произведений необходимую тему — использование эпитетов в былинах.

Одна из важных черт языка устного народного творчества — «постоянство эпитетов», которое, как отметила А. П. Евгеньева, предполагает «...ограниченность сочетаний определения с определяемым — в этом именно и заключается постоянство. В качестве примеров постоянных эпитетов обычно приводятся: “красна девица”, “белы руки”, “чисто поле”, “сине море”, “мать — сыра земля”, “зелено вино” и некоторые другие» [4, с. 160].

Анализируя былины «Садко» [8], «Вольга и Микула» [3], «Илья Муромец и Соловей-разбойник» [5], «Алеша Попович и Тугарин» [1], мы находим такие «постоянные эпитеты»: *ременчат стул, дубовый стол, синь горюч камень, красно золото, золотая казна, честный пир (на почестей пир), буйная голова, красное солнце, добрый конь, храбрая дружина (хоробрая дружинушка)* и др.

«Постоянный эпитет» в былинах не всегда выполняет «украшающую» функцию, как отмечает А. П. Евгеньева, т. е. не только служит для того, чтобы создать «идеальный, праздничный план», но и характеризует предметный признак, важный для понимания свойств объекта, а иногда и для создания ассоциативной цепочки.

Например, в былине о Михаиле Потоке употребляется сочетание *товаров заморских* [7, с. 148–158], несмотря на постоянство эпитета, в данном

контексте эпитет не выполняет «украшающую» функцию, а служит сюжетобразующей деталью. В былине о Вольге и Микуле эпитет *раkitов*, употребляемый со словом *куст*, выбран, поскольку в устном народном творчестве с ним связано мифологическое представление, согласно которому ракита — священное дерево, которое первым выросло на камне, выброшенном рыбой из моря, поэтому оно обладает магической силой.

А. Н. Веселовский говорил, что за постоянством эпитетов стоит «нередко бытовое или этнографическое предание, сохранившееся в переживаниях» [2, с. 60]. Сравнивая с зарубежным эпосом, ученый отмечал, что «лучшим материалом для копеечных древ считался ясень, отсюда ясеневое копье гомеровских и старофранцузских поэм» [2, с. 60]. То же самое происходит в русском эпосе. Например, указание на то, что стол *дубовый*, говорит нам, что стол, который можно охарактеризовать как хороший, «богатый», делали преимущественно из дуба из практических соображений, лишь после этого сочетание слов стало в фольклорных произведениях стилистически окрашенным, указывая на положительную характеристику объекта.

Эпитет «...по существу... так же односторонен, как и слово, явившееся показателем предмета, обобщив одно какое-нибудь вызванное им впечатление как существенное, но не исключающее другие подобные определения» [2, с. 64]. Поэтому при словах могли быть употреблены несколько эпитетов, всячески дополняющих ключевое значение слова, а «...выход из этого разнообразия к постоянству принадлежит уже позднейшему подбору на почве усиливавшейся поэтической традиции, песенного шаблона, школы...» [2, с. 64].

При одном слове постоянных эпитетов может быть несколько. Такими являются, например,

эпитеты *звончатые* и *яровчатые*, употребляемые со словом *гусли* [8], или *удалый, добрый*, стоящие рядом со словом *молодец* [1].

«Несмотря на преобладание в каждом конкретном тексте эпитетов постоянных, их абсолютная численность в былинах не превышает численности эпитетов ситуативных и субъективно-оценочных» [9, с. 103].

Причины постоянства эпитетов в народном творчестве учеными объяснены по-разному. Назовем самые целесообразные теории с нашей точки зрения.

Одно из рациональных объяснений принадлежит Ф. И. Буслаеву: «...Постоянство эпитетов обусловлено статичностью качеств, присущих эпическим персонажам...» (цит. по: [9, с. 104]). Мы не находим сложных характеров у героев былин, они однозначны, цельны, каждый выполняет надлежащую ему функцию, оттого их качества всегда однообразны. *Богатырь* обладает силой, смекалкой и добротой, поэтому имеет при себе такие эпитеты, как *могучий, святорусский, славный; красна девица* славится *умом, красотой и сердечностью*. Положительным героям благоволит природа, у них есть помощники, например *конь* имеет ряд эпитетов *добрый, бур-косматый, бурочка косматый, троелеточка, богатырский, наступчивый* и др. [6, с. 77]. К слову *брат* в былинах наиболее распространены такие эпитеты, как *родной, родимый, большой, старший, милый, названный, крестовый, подкрестовый* [6, с. 77].

Однако не всегда *молодец* — молодой мужчина, а *добрый* не всегда соотносится с современным значением, в более древнем значении это «добротный», «т. е. готовый к воинскому подви-

гу» [6, с. 77] (в этимологическом смысле *добрый* связано с понятием *доба* — «время, которое определяет зрелость, готовность». То есть, соглашаясь с З. М. Петеновой, мы говорим, что эпитет, «называя основное и постоянное качество лица, предмета, явления, ...участвует в передаче главной идеи былины — защита родной земли» [6, с. 76].

Таким образом, постоянство эпитета демонстрирует крепкую связь обычной предметной характеристики с характеристикой ассоциативной, культурно обусловленной.

Другие эпитеты были выбраны по этой же причине. Эпитеты и создающиеся благодаря им образы стали бытовать от сказителя к сказителю сначала как понравившаяся точная по прямому и ассоциативному смыслу речевая формула, а после — как устойчивая стилистическая особенность, употребляемая исполнителями неосознанно. «Позднее постоянство эпитетов стало признаком того типически-условного и сословного мирозерцания и стиля, ...характерного для эпоса и народной поэзии» [2, с. 64–65]. Поэтому в былинах много метафорических эпитетов, эпитетов в виде фразеологизма, эпитетов, сохранивших историческую семантику, но все они постоянны.

Предметная характеристика явления содержит культурно и этнографически обусловленный компонент (он однажды проявляется в точности «художественной находки», становится популярным, «постоянным»), который постепенно становится неосознанной характеристикой явления не в предметном, а именно в культурном смысле, т. е. демонстрирует укоренившиеся в сознании народа представления.

1. Алеша Попович и Тугарин // Былины : сб. / гл. ред. Ю. А. Андреев ; вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 73–77.

2. Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Историческая поэтика. — М. : Высшая школа, 1989. — С. 59–66.

3. Вольга и Микула // Былины : сб. / гл. ред. Ю. А. Андреев ; вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 94–100.

4. Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет) // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1948. — Т. 6. — С. 160–165.

5. Илья Муромец и Соловей-разбойник // Былины : сб. / гл. ред. Ю. А. Андреев ; вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 57–65.

6. Петенева З. М. О специфике фольклорного эпитета // Русский язык в школе. — 1989. — № 4. — С. 76–81.

7. Поток Михайла Иванович // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. С. К. Шамбинаго. — М. : Худ. литература, 1938. — С. 145–151.

8. Садко // Былины : сб. / гл. ред. Ю. А. Андреев ; вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 269–283.

9. Эпитет // Селиванов Ф. М. Поэтика былин. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. — С. 100–119.